

под собой упор на политическое самосознание, и завязан на проявлении любви к отечеству, и действиях, реализуемых на благо его интересов.

Герой – человек, совершающий общественно одобряемый поступок, характеризующийся мужеством и самоотверженностью. Соответственно, героизм проявляется вследствие не гражданского самосознания, а личностного, вне зависимости от места проживания. Однако героизм может являться следствием, или одной из форм патриотизма, если рассматривать войну в качестве примера. Так, существует много различных примеров проявления героизма в контексте патриотического сознания - король Артур в Англии, генералиссимус Александр Суворов в России, вождь Арминий в Германии. Все эти люди в условиях военных столкновений проявили героизм и стали своеобразными символами национальных героев своих стран. Их увековечили в истории, о них сняли документальные и художественные фильмы, но главное – их помнят соотечественники и ставят в пример для будущих поколений.

Так, несмотря на разные культуры, восприятие и ассоциативность, концепты таких фундаментальных понятий, как «патриотизм» и «герой» будут нести в себе главный посыл о человеческой самоотверженности, храбрости и доблести.

Тема Родины в наследии священника Павла Флоренского *

Автор: **Н. Н. Павлюченков**

доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Аннотация

В статье рассматривается тема Родины и патриотизма, которая специально затронута в вступительной части работ священника Павла Флоренского. Отмечается, что для Флоренского решение этих вопросов естественным образом вытекало из его философии символа, в которой мир земной мыслится как отражение мира небесного. И чувство земной Родины у него всегда проецировалось на чувство Родины небесной, вечной, той самой, к возвращению в которую стремится религиозный человек.

Священник Павел Флоренский принадлежал к числу религиозных философов и богословов эпохи «Серябряного века» в истории отечественной мысли (конец XIX - начало XX вв.), когда вопросы патриотизма, национализма и сама тема Родины стали особенно актуальными. Среди российской интеллигенции в этот период созрело стремление к радикальному обновлению всей сторон общественной и государственной жизни, включая реформы в самой Церкви (прежде всего, речь шла о восстановлении

* © Н.Н. Павлюченков

патриаршества). При этом вновь и вновь подвергались осмыслению и переосмыслению вопросы места и роли России во взаимоотношениях Востока и Запада, на новом уровне продолжалась полемика, начатая в XIX в. между «славянофилами» и «западниками». Годы так называемой первой революции в России (1905-1907 гг.) пришлись на самый ответственный период учебы Флоренского в МДА (1-й, 2-й и 3-й курсы), куда он поступил после окончания Московского университета с желанием реализовать замысел Владимира Соловьева о всемирной творческой работе, т. н. «теургии» («богоделании»).

Эта работа предполагала включение в нее всех народов (поскольку речь шла о «богочеловеческом» процессе), с соответствующим представлением о том, что каждый народ, каждое человеческое общество имеет о себе свой божественный замысел. Соответственно, и любовь к Родине для такого «делателя», мечтающего о «всемирном братстве», означает, прежде всего, актуализацию тех задач, которые именно твоя страна, твой народ должны решить в этой всемирной работе. При этом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, унаследовав от В. Соловьева мировоззрение «всеединства» и того, что теперь, часто с негативными коннотациями, называют «космополитизмом» и экуменизмом, Флоренский оставался верным достаточно рано сформировавшимся у него интуициям наличия полноты истины в православной религии. Обретение истины в Православной Церкви Флоренский считал одним из проявлений своего мистического опыта, в которых невозможно сомневаться. И это была именно та самая «историческая» Церковь, которая тогда существовала в России и была обличаема интеллигенцией во множестве пороков и недостатков. Флоренский писал, что именно в ней, зайдя «по ту сторону» облекшей ее «коры грязи», он обрел святиню (Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные, Статьи. Переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 470), ради которой отныне (это запись середины 1905 г.) будет жить и действовать. Здесь - определяющий момент, очень важный для понимания того, что может быть названо патриотизмом и чувство Родины у Флоренского.

Это важно потому, что Флоренский, как кажется, нигде в огромном корпусе своих трудов эти темы напрямую не затрагивал, а из того основного, что им написано в области философия, богословия, искусствоведения и др., может создаваться впечатление его принципиального отчуждения от этих тем, также, как ему, по его собственному признанию, всегда были чужды вопросы политики и собственно общественно-политического устройства. На самом деле, чувство земной Родины всегда проецировалось им на чувство Родины небесной, вечной, той самой, к возвращению в которую стремится религиозный человек. Ключевыми в этом отношении являются его «Воспоминания» и другие тексты, написанные им в первые годы Советской власти, когда он, в числе прочего, пытался использовать все возможности для сохранения Троице-Сергиевой Лавры как объекта культурного наследия и действующего в ней монастыря как наследия духовного. Но была в этой деятельности еще и более глубокая мотивация, связанная с тем «символическим

миропониманием», с позиций которого написаны все труды Флоренского.

В одной из лекций по «Философии культа», прочитанных в 1918 г., Флоренский отметил, что в символическом миропонимании «гражданское общество мыслится как отражение небесной иерархии, Христом возглавляемой, т. е., иначе говоря, дальнее отражает горнее..., живет его энергиями» (Флоренский П. А. Параграфы 34, 35 и 36 из «Философии культа» // Regnum Aeternum. М., 1996. С. 195). Это означает, что решение всех вопросов общественно-политического плана для Флоренского как бы само собой, естественным образом вытекает из философии символа («конкретной метафизики»). И верное решение этих вопросов достигается при наличии в обществе соответствующего мировоззрения, о чем и нужно заботиться прежде всего. Политическая философия, с такой точки зрения, вытекает из философско-богословской метафизики и остается по отношению к этой последней как периферия относительно центра. За все время своего творчества, включая годы революции и гражданской войны, Флоренский постоянно работал в этом «центре» своей системы и не написал ни одного текста, непосредственно затрагивающего темы политики, экономики, «обществознания» и т. п.

В начале 1920-х гг. в своих «Воспоминаниях» Флоренский писал, что в семье, в которой он вырос, он был с детства сознательно изолирован от церковного учения и от русских народных сказок. Вместе с тем, такому, сугубо светскому, «современному» воспитанию, как считалось, не препятствовало знание детьми античной мифологии. Результатом, как писал Флоренский, было то, что он «чувствовал себя древним эллином яснее, нежели русским, и фавнов и нимф любил и знал более, нежели леших и русалок» (Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992. С. 97).

Для Флоренского миф был реальным вследствие того, что, как он пишет, в детстве он жил в тех самых местах, где развивались «мифические» события. «Греческий миф, – пишет о. Павел в записи начала 1920-х гг., – мне был близок, а земля, по которой я ходил, пропитана испарениями античности». Фазис, к устьям которого совершали поход аргонавты, – это река Рион, в той же самой Колхиде. «И знал я также, что доселе стоит скала в Рионском ущелье, на которой был распят Прометей» (Там же).

Вот это слово «распят» вместо ожидаемого «прикован» употреблено здесь Флоренским совсем не случайно. В 1920-х гг. Флоренский фактически снова повторяет то, что было высказано им в ранней работе 1906 года («Догматика и догматизм») и затем (до некоторой степени) развито в «Столпе и утверждении Истины». Это – восприятие мифа о Прометее как выражения глубинных поисков человеком возможности реализации цели своего существования. Эти поиски – «глубинные» в том смысле, что они определяются самим онтологическим устроением человека. Человек ощущает идущий из самой основы своего существа запрос на личную встречу с Богом, без которой на самом деле не может быть никакого истинного богопочитания и, – фактически, – не может состояться религия как таковая. Имея пред собой Бога как понятие, как отвлеченную идею, располагая, пусть даже самым возвышенным и совершенным учением

о Боге, человек не может удовлетворить требования своей природы и в те моменты, когда эти требования явно дают о себе знать (т. е. проявляют себя на уровне эмпирического сознания), человек становится «богоборцем», поднимая бунт против навязываемых ему религиозных представлений.

Сама суть проявляемого такого «богоборчества», по мысли Флоренского, становится понятной только после Христа и только в христианскую эпоху эта глубинная борьба против неподтвержденного опытом образа Бога становится «узаконенной». Обновленный человек, – пишет Флоренский, – требует и нового качества религиозного опыта; его не может больше удовлетворить встреча с Богом, не носящем «в Себе Самом Своего оправдания» (Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001. С. 444). Но это – не только требуемый признак Абсолютности и Святости. «Этот запрос – поклоняться Богу как Истине, удовлетворится в непосредственных переживаниях Бога человеком, потому что в них только Бог может быть дан как реальность, и ... только в самой реальности, а не в понятии, нами созданном, открывается сущность Бога, implicate содержащая в себе и данные для оправдания Его. Только стоя лицом к лицу пред Богом просветленным сознанием постигает человек правду Божию, чтобы благословить Бога за все» (Там же. С. 447). «Христианство... ставит лицом к лицу с Самой трансцендентною Личностью Божией», без удостоверения в которой «возрожденное сознание останется вовсе без Бога» (Там же. С. 446-447).

И представляется, что, сближая идею мифа о Прометее с тем переворотом, который в человеке осуществляет Христос, Флоренский и выражает, – в наиболее концентрированном виде, – свое понимание «античности». Прометеев огонь – это благодатный огонь преображения всего человеческого существа. Это он разжигает в человеке требование встречи как высшего «оправдания» Бога и реализации конечной цели – обожения. Христос действительно приносит этот огонь и «богоборчество» Прометее становится «богоискательством» в самом высшем, онтологическом смысле этого слова. «Античность», в данном случае, – это то, что содержит в себе эти истины, поддерживает во все времена человеческой истории этот единственно подлинный, ничем другим незаменимый дух настоящей Религии. В частности, именно поэтому у Флоренского «античным» вдруг оказывается все, что связано с деятельностью в России преп. Сергия (Павел Флоренский, свящ. Избранные статьи по искусству. М., 1996. С. 220-221) и в самой Троице-Сергиевой Лавре он обнаруживает желание создать «живой музей», именуемый им «русскими Афинами». Это, как он замечает, помогло бы «воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу» (Там же. С. 236).

Таким образом, «Эллада» у Флоренского – менее всего географическое понятие. И, ощущая себя гораздо более «эллином», чем «русским», он в зрелые годы своей жизни никогда не стремился не только в Грецию, но даже и на Кавказ, столь дорогой ему по воспоминаниям детства и по тем «испарениям» античности, которые он там ощущал в детстве и в юности. Он на всю жизнь связывал себя с Сергиевым Посадом

и наблюдал здесь даже не просто полноценное преемство от Византии, но сам чистый, незамутненный никакими историческими искажениями, «эллинизм», «теплый еще и полный внутреннего трепета и света» (Там же. С. 257). Древняя Русь, – пишет Флоренский, – возжигает «прометеев огонь Эллады» (Там же. С. 222); «вся Русь, в метафизической форме своей сродна Эллинству», а ее духовный родоначальник – преп. Сергий – воплотил в себе «эллинскую гармонию совершенной... личности» (Там же. С. 221).

И, конечно, не случайно, что на келейной иконе преп. Сергия - Божией Матери Одигитрии Флоренский улавливает такой признак «античности» - «духовный отклик на жизнь», мотив «умудренной зрелости и величавого достоинства мысли, знающей жизнь не в мечтательных образах, а в ее растленности и порче и все же, при глубоком знании нецельности жизни, - в себе хранящей бодрю надежду и спокойное и мирное “да” бытию» (Там же. С. 263). И в этом «да» бытию, конечно, звучит, как можно догадываться, то самое «да» земле, которое выражено в словах Христа: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал, чтобы он скорее возгорелся» (Лк. 12, 49).

В начале XX века Флоренский был одним из первых наших философов и богословов, которые активно стали разрабатывать тему обожения как причастия человека Божественному огню и свету. И опознание в Троице-Сергиевой Лавре и вообще в Сергиевом Посаде «ноуменального центра» России было для него признанием того, что именно здесь обретается тот незримый секулярным сознанием источник, из которого исходят эти Божественные лучи. И в то время, когда другие мыслители, болея душой за Родину, принимали вольное или вынужденное решение переждать на «свободном» Западе период постигшей Россию катастрофы, хотели трудиться на ее благо за рубежом, Флоренский, при всех соответствующих возможностях, даже не ставил для себя подобного вопроса. Он не мыслил в советские годы своего географического отдаления от Сергиева Посада, так же, как за всю свою жизнь, еще задолго до революции 1917 года, он лишь однажды (в детстве) выезжал за границу (в Германию). Его не прельщали даже зарубежные научные стажировки, т. к. и в своем стремлении к «цельному знанию» как синтезу науки, философии и богословия, он не считал целесообразным отдаляться от «ноуменального центра» на «периферию».

Свой земной путь священник Павел Флоренский закончил в Соловецком лагере (расстрелян 8 декабря 1937 г.), после проведения там нескольких научных работ по разработке методов промышленного получения йода из водорослей. В 1920-х гг. он вспоминал, что в детстве, особенно в Батуми, выходил на берег моря по 2-3 раза в день, «и никогда море не наскучивало» (Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. С. 45). Особенно впечатляли его, как он писал, «дары моря», т. е. выброшенные на берег водоросли. Не только они, но даже обточенные водой камни и деревяшки на берегу обладали йодистым, «вечно зовущим» запахом моря, который вызывал трепетное чувство соприкосновения с глубокой, таинственной и «родимой» основой бытия. И можно не сомневаться в том, что в конце жизни, на Соловках, он занялся водорослями

именно под теми же впечатлениями, которые он пережил в детстве на черноморском побережье Кавказа. И в письмах домой, детям, посылал красочные и довольно подробные рисунки, фиксирующие внешний вид и строение этих «даров моря». Для него, во внутреннем созерцании, они по-прежнему были «ласковой восточкой...» небесной Родины (Там же. С. 46).

Патриотизм, как ключевой фактор решения задач личности, общества, государства в условиях муниципального общеобразовательного учреждения *

Автор: **Е. В. Переверзева**
студент ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет»

Аннотация

В данной работе рассматривается явление патриотизма и особенности формирования ценностно-мотивационных аспектов гражданско-патриотического воспитания обучающихся младшего школьного возраста в условиях муниципального общеобразовательного учреждения.

Вопросы гражданско-патриотического воспитания обучающихся и молодёжи играют большую роль в развитии современного гражданского общества, в том числе и в Донецкой Народной Республике (ДНР) и Луганской Народной Республике (ЛНР). Это связано с тем, что воспитание участников общества гражданско-патриотических чувств молодого поколения играло важную роль в формировании жизнедеятельности и нормального функционирования гражданского общества во все времена существования современного человечества. Данный процесс включает в себя множество компонентов: формирование уважения и любви в своему Отечеству, развитие чувства ответственности за свои поступки, развитие зрелой гражданской позиции, формирование готовности встать на защиту своего Отечества. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей формирования ценностно-мотивационных аспектов гражданско-патриотического воспитания младших школьников в условиях муниципального общеобразовательного учреждения.

Гражданско-патриотическое воспитание в Донецкой Народной Республике является не только актуальным, но и приоритетным направлением в воспитании современной республиканской молодёжи. Наиболее общепринятым и раскрытым является понятие, данное в педагогическом труде А.С Новикова (Гражданское образование. Пособие для педагогов и работников образования / Под ред. А. С. Носиковой, И. Д. Фрумина – М., 2010. – 151 С. 4.), которое он раскрывает так: воспитание это

* © Е.В. Переверзева